

Н. А. Полевой

Краковский замок

Быль

Предслава и Добрыня: Исторические повести русских романтиков / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. В. Ю. Троицкий. -- М.: Современник, 1986.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Видали ль вы море перед самым началом грозы и бури? Еще порывистый ветер не рыщет по волнам его, еще небо не обложено черными тучами, еще валы не вздымаются горами, свист, шум, рев не оглушают странника. Не настало еще это дивное, грозное явление, когда бешеное чадо земли рвется в раскаленные своды неба, падает, обессиленное, и снова летит к небу. Но уже странник не чувствует томительной тишины, которая душит, кажется, океан и выдавливает его на берега; края небосклона обставлены уже воздушными, черными горами, верхи их крутятся дымчатыми полосами; солнца нет, море шевелится, как оживающий мертвец под белеющим саваном, и края покрывала его пенистыми бахромами хлещутся об утесы, и гул бури ноет в отдалении. Еще минута, и -- горе ладье, не успевшей укрыться в пристань! Тогда, стоя на утесе, вы видите, что волны как будто разбегаются врозь подле берегов, сыплются, дробятся. Они, как будто первенцы бури, летят и стремятся на все берега, как будто хотят прежде вылиться на берега, пока порывы бури не ринут их вглубь и не смешают в гибели и ужасах волнения.

Таковыми являлись Франция и французы, когда не грянула еще буря революции, когда Людовик XV изнемогшею рукою держал кормило государства, давно спал для славы и дремал над самою жизнью, утомленный и пятидесятилетним неславным царствованием, и мелочными интригами двора своего, и роскошью, и тем, что даже ни одно бедствие не освежило его жизни, тусклой и бесцветной. В кругу своих любовниц зевал Людовик, оставляя министрам заботу о государственной чести, и оживал только для того, чтобы мешать в исполнении каждому из них: ссориться с парламентами за министров и сводить министров с мест их, потому что ветреной Дюбарри они не нравились. Долее всех боролся с властью этой прихотливой красавицы герцог Шуазель. Людовик так *привык* к нему, что, подписав увольнение герцогу, несколько дней носил увольнение это в кармане и не хотел послать к Шуазелю. Быль, которую хотим мы рассказать теперь, случилась после падения сего гордого, властолюбивого, хитрого и умного вельможи. Но события, которых следствием была она, относятся еще к правлению Шуазеля.

Он видел, что положение Франции вело к бедственной развязке: финансы государственные угрожались банкротством; народ беднял; правосудия не было -- все продавалось, даже чины отдавались тому, кто платил больше. Говорят, что это и в других землях бывает, но во Франции сам король публично торговал чинами. Между тем двор роскошничал, вельможи шалили, ссорились; потомки Баярдов вынимали шпаги свои только для дуэлей; парламенты спорили с королем; народ роптал; Бастилия была набита, но -- судите о странности обстоятельств -- при самом дворе, тогда же, Бомарше рассеивал песни на короля и Дюбарри, смешил всех уморительною тяжбою, дурачил комедиями: за него стояли горячие головы молодежи, и король молчал; молчал и после, когда Мирабо из Сен-Венсана писал свои пламенные письма. Яркая игра страстей кипела тогда во Франции; сильно сшибались старые и новые идеи. Старик Вольтер смеялся тихонько в своем Фернее, кутаясь в соболью шубу, которую прислала ему Екатерина, а Шуазель? Что делал Шуазель?

Он думал, что слова: *все потеряно, кроме чести*, должны быть его девизом. Но честь Франции для него не заключалась в благоденствии народа; он не хотел, как Генрих IV, чтобы у *каждого француза была в воскресенье курица на столе*, нет! Со времен Людовика XIV французы почитали честью и счастьем народа шум побед, гул, отзывавшийся повсюду в блеске их, славе, великолепии, роскоши, рыцарской вежливости; головы их кружились только от этого, и -- Шуазель, трепетавший сплетней сестры своей против Дюбарри, двигал дворами Англии, Франции, России, Пруссии, Турции; умел показывать Францию душою всей европейской политики. Барон Топ укреплял Дарданеллы; с Веною говорили о дружбе и женитьбе дофина; с Петербургом хитрили; в Англию готовили высадку. Везде Шуазель извивался змеем; его агенты были всюду; молодые французы скакали по его приказу в Америку, в Испанию, в Индию, с